

Научная статья | Original paper

Социальная идентичность и групповая идентификация в условиях успеха и поражения

А.А. Гудзовская ✉

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
Самара, Российская Федерация

✉ aag_1@rambler.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Ситуации группового успеха (выигрыша) и поражения (проигрыша) значимо влияют на групповую идентификацию, однако эмпирические данные неоднозначны: одни исследования фиксируют усиление приверженности группе при неуспехе (защитный механизм), другие — дистанцирование от нее. Кроме того, практически не изучено, как базовая структура социальной идентичности человека (множественная, иерархическая, диффузная или эгоцентрическая) опосредует эту динамику, особенно в ситуативных, временных группах. Настоящее исследование заполняет этот пробел, анализируя взаимодействие исхода групповой деятельности и типа идентичности.

Цель. Определить динамику групповой идентификации в условиях группового выигрыша и проигрыша, а также установить характер влияния базового типа социальной идентичности на эту динамику.

Гипотеза. Групповой проигрыш приведет к усилению групповой идентификации. Предполагается, что взаимодействие исхода игры и типа идентичности обуславливает динамику идентификации.

Методы и материалы. Выборка: 264 студента ($M = 18,96$; $SD = 1,12$; 74,2% девушек). Тип социальной идентичности (множественная, иерархическая, диффузная, эгоцентрическая) определялся методикой ГТИ А.А. Гудзовской и М.С. Мышкиной. В эксперименте участники играли в командную игру «Кораблекрушение», попадая в ситуацию выигрыша или проигрыша. Уровень групповой идентификации измерялся до и после игры Шкалой групповой идентификации К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова. Применялся смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA) с межгрупповыми факторами «Исход игры» (3 уровня) и «Тип идентичности» (4 уровня), а также внутригрупповым фактором «Время измерения» (до и после).

Результаты. Эмпирически определено, что групповая идентификация усиливается как при проигрыше, так и при выигрыше по сравнению с контрольной группой (рост самостереотипизации, самокатегоризации и вовлеченности). Трехстороннего взаимодействия Время × Исход × Тип не обнаружено ($p = 0,942$): влияние успеха/неуспеха не зависит от типа идентичности. Однако участники с диффузным типом показывают значимо больший прирост удовлетворенности, самокатегоризации и вовлеченности по сравнению с иерархическим типом ($p \leq 0,010$), что подтверждает самостоятельный вклад типа идентичности.

Выводы. *Проигрыш активирует защитные механизмы, усиливая групповую идентификацию, этот эффект не зависит от типа идентичности. Диффузный тип наиболее пластичен и демонстрирует максимальный прирост вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации по сравнению с иерархическим типом.*

Ключевые слова: *социальная идентичность, множественная идентичность, групповая девальвация, проигрыш, групповая идентификация, групповая вовлеченность, ситуация фрустрации*

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-01468.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования М.С. Мышкину и Е.С. Гусеву.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/e333-t86k-a828>.

Для цитирования: Гудзовская, А.А. (2026). Социальная идентичность и групповая идентификация в условиях успеха и поражения. *Социальная психология и общество*, 17(2), 105–123. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Social identity and group identification in conditions of success and defeat

A.A. Gudzovskaya ✉

Samara University, Samara, Russian Federation

✉ aag_1@rambler.ru

Abstract

Context and relevance. *Situations of group success (winning) and defeat (losing) significantly affect group identification; however, empirical evidence remains inconsistent. Some studies report increased group commitment following failure (as a defensive mechanism), while others find distancing from the group. Moreover, the role of an individual's basic social identity structure (multiple, hierarchical, diffuse, or egocentric) in moderating this dynamic remains largely unexplored, particularly in situational, ad-hoc groups. The present study fills this gap by analyzing the interaction between group outcome and identity type.*

Objective. *To determine the dynamics of group identification in conditions of group winning and losing, and to establish the nature of the influence of basic social identity type on these dynamics.*

Hypothesis. *Group loss will lead to increased group identification. It is assumed that the interaction between game outcome and identity type determines the dynamics of identification.*

Methods and materials. *Sample: 264 undergraduate students ($M = 18,96$, $SD = 1,12$; 74,2% female). Social identity type (multiple, hierarchical, diffuse, egocentric) was assessed using the Group Identity Test (GIT) by Gudzovskaya and Myshkina. In the experiment, participants played a team-based game "Shipwreck" and were randomly assigned to win or loss conditions.*

Group identification was measured before and after the game using Leach's scale, adapted by E.R. Agadullina and A.V. Lovakov. A mixed ANOVA was conducted with between-subjects factors "Game Outcome" (3 levels) and "Identity Type" (4 levels), and a within-subjects factor "Time of Measurement" (pre- and post-intervention).

Results. *Group identification increased both after loss and after win compared to the control group (as reflected in increased self-stereotyping, self-categorization, and involvement). No three-way interaction (Time × Outcome × Type) was found ($p = 0,942$): the effect of success/failure does not depend on identity type. However, participants with a diffuse identity type showed significantly greater gains in satisfaction, self-categorization, and involvement compared to those with a hierarchical type ($p \leq 0,010$), confirming an independent contribution of identity type.*

Conclusions. *Loss activates defensive mechanisms that increase group identification; this effect is independent of identity type. The diffuse type is the most plastic and demonstrates the greatest increase in involvement and cognitive components of identification compared to the hierarchical type.*

Keywords: *social identity, multiple identity, group devaluation, loss, group identification, group involvement, frustration situation*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-28-01468.

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection M.S. Myshkina and E.S. Guseva.

Supplemental data. Datasets available from <https://doi.org/10.48612/MSUPE/e333-t86k-a828>.

For citation: Gudzovskaya, A.A. (2026). Social identity and group identification in conditions of success and defeat. *Social Psychology and Society*, 17(2), 105–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Введение

В условиях современных социальных трансформаций вопросы социальной идентичности и межгрупповых отношений приобретают повышенную значимость. Начиная с классических работ А. Тэджфела и Дж. Тернера (Tajfel, Turner, 1979) социальная идентичность (СИ) рассматривается как ключевой фактор, определяющий межгрупповое поведение, реакции человека на членов своей и внешних групп, а также продуктивность совместной деятельности.

Исследования динамики групповой идентификации, как одного из операционализированных показателей социальной идентичности, показывают, что ее уровень зависит от ситуационного (Lind,

2023; Haslam et al., 2024; Golec de Zavala, 2025) и культурного контекста (Nisbett, 2001; Na, Grossmann, 2020), который может усиливать или ослаблять приверженность группе. Для анализа динамики групповой идентификации используется многокомпонентная модель К. Лича (Leach et al., 2008), включающая эмоциональный компонент (самоинвестирование) и когнитивный (самокатегоризация). В ряде исследований К. Лича и его коллег показано, что компоненты групповой идентификации сильно меняются в ситуации групповой девальвации (Leach et al., 2010).

Термин «групповая девальвация» обозначает ситуацию, при которой группа воспринимается как менее ценная по

сравнению с другими. Участники испытывают угрозу позитивному образу группы, у них могут активироваться защитные механизмы, меняться уровень групповой вовлеченности (Simon, Klandermans, 2001). В российской социальной психологии эти процессы анализируются в контексте этнокультурного взаимодействия и коллективных эмоций (Лебедева, 2021; Стефаненко, Липатов, 2016). Исследования подтверждают, что групповая вовлеченность является прямым следствием силы социальной идентичности (Злоказов, 2017).

В качестве девальвирующего условия группа регулярно рассматривается проигрыш. Классические эксперименты А. Тэджфела и Дж. Тернера (Tajfel, Turner, 1979) выявили, что проигрыш усиливает ингрупповой фаворитизм как компенсаторное стремление сохранить позитивную идентичность. Экспериментальные работы показывают, что в ряде случаев проигрыш приводит к дистанцированию от группы для сохранения собственной позитивной идентичности (Cdenas, 2020), в других — усиливает приверженность группе (Leach et al., 2010; Bagci, 2022). В условиях групповой девальвации стресс повышает солидарность с группой, но при чрезмерной его интенсивности возникают эгоистические реакции и снижение групповой поддержки (Faber, Häusser, 2022).

Современные метаанализы подтверждают, что угроза статусу группы вызывает фрустрацию, снижает самооценку, но одновременно повышает значимость принадлежности и стимулирует коллективные действия (Hogg, 2023). Работы Van Zomeren с коллегами демонстрируют, что восприятие проигрыша как несправдливо

вого усиливает солидарность с группой, тогда как атрибуция причин неудачи группе может снижать вовлеченность или инициировать внутригрупповое обвинение (Van Zomeren et al., 2008). Аналогичные выводы сделаны в организациях при оценке решений руководства (Lind, 2023).

Н. Хирсон, изучая спортивных болельщиков, обнаруживает противоположные тенденции. Так, при проигрыше своей команды возникает стратегия CORFing (Cutting off reflected failure) («отсечение отраженной неудачи») — дистанцирование от группы для защиты самооценки; при выигрыше — стратегия BIRGing (Basking in reflected glory) («купание в лучах отраженной славы») — усиление идентификации с успешной группой (Hirshon, 2020). Различия в восприятии угрозы также зависят от статуса группы (Bagci et al., 2021). Уязвимые формы групповой гордости, например, коллективный нарциссизм, обуславливают агрессивные реакции на угрозы (Golec de Zavala, 2025).

Эффекты девальвации зависят от структуры идентичности, в частности, от ее определенности (Hogg, 2023); силы идентификации с этнической группой (Teixeira et al., 2022); от предшествующей идентичности и количества ингрупп (Iyer, Jetten, 2023). Неопределенность структуры идентичности связана с уязвимостью в стрессовых ситуациях (Злоказов, 2017). Идентификация одновременно с несколькими группами может выступать защитой психологического благополучия в ситуации девальвации (Jetten et al., 2009; Bataille et al., 2022). Множественная идентичность отражает способность интегрировать членство в нескольких социальных группах (Roccas, Brewer, 2002;

Волков, 2022). Модели множественных идентичностей демонстрируют, что дистанцирование от негативно оцениваемых групп может служить механизмом согласования конфликтующих идентичностей (Liaquat et al., 2025).

В наших предыдущих исследованиях была разработана типология социальной идентичности (Гудзовская, 2023), основанная на степени осознанности своей принадлежности к разным социальным группам (семья, учебная группа или группа коллег по работе, территория проживания, страна проживания, все люди). Типология включает: множественный тип (высокая осознанность принадлежности к разным группам); иерархический тип (выраженная дифференциация групп по значимости); диффузный тип (отсутствие различий в субъективной значимости групп); эгоцентрический тип (фокус на личной значимости при формальном признании групповой структуры). Поскольку выделенные типы различаются по степени осознанности принадлежности к группам и гибкости идентификационных структур, можно предположить, что они по-разному реагируют на угрозу групповому статусу. В частности, множественный тип может демонстрировать устойчивость, тогда как диффузный и иерархический — повышенную чувствительность к девальвации.

Цель нашего исследования — выявление динамики групповой идентификации в условиях группового успеха и группового поражения в игровой ситуации, а также определение характера влияния базового типа социальной идентичности на динамику групповой идентификации в условиях выигрыша и проигрыша.

Гипотезы исследования. 1. Групповой проигрыш приведет к значимому уси-

лению групповой идентификации. Мы предполагаем, что в ситуации девальвации группы (неуспеха) будут активированы защитные механизмы, ведущие к росту приверженности группе. 2. Эффект взаимодействия между исходом игры (выигрыш/проигрыш) и типом социальной идентичности обуславливает динамику групповой идентификации. Предполагается, что влияние ситуации успеха или неуспеха будет опосредовано базовой структурой социальной идентичности участников исследования.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 264 студента бакалавриата в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст — 18,96 лет, $SD = 1,12$, $min = 17$, $max = 25$), 74,2% составили девушки и 25,8% — юноши. Участники были здоровы физически и имели нормальное зрение или коррекцию зрения до нормы. Все респонденты были ознакомлены с основными правилами проведения исследования и предоставили письменное информированное согласие на участие в экспериментальной процедуре в соответствии с требованиями местного этического комитета. Участие в исследовании засчитывалось им как выполнение части учебного задания.

Дизайн и переменные исследования

Исследование проводилось в два этапа с интервалом в 1–2 недели и включало первичное тестирование (измерение устойчивой (базовой) структуры идентичности) и экспериментальную процедуру, формирующую три условия: выигрыш, проигрыш и контроль.

Этап 1. Измерение типа социальной идентичности проводилось с помощью

Группового теста идентичности (ГТИ) А.А. Гудзовской и М.С. Мышкиной (Гудзовская, 2023). Для каждого участника был установлен один из четырех типов идентичности: множественный, иерархический, диффузный или эгоцентрический. Тип определяется на основе отношения к устойчивым социальным общностям: семья, учебная группа, населенный пункт и страна проживания, все люди.

Этап 2. Экспериментальная процедура. Спустя 1–2 недели после первичного тестирования участники были случайным образом распределены по командам (3–5 человек) с использованием номеров, что позволяло разделить хорошо знакомых сокурсников по разным игровым командам. Полный контроль знакомства не обеспечивался, что рассматривается как ограничение исследования; однако измерение динамики показателей позволяет частично нивелировать влияние исходных различий. Одновременно в помещении находилось от трех до пяти команд (соотношение девушек и юношей в каждой команде составляло примерно 3–4 к 1–2).

Измерение исходного уровня групповой идентификации. До игрового этапа, находясь в своей игровой команде, участники индивидуально заполняли бланк Шкалы групповой идентификации К. Лича (Leach et al., 2008) в адаптации Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова (Агадуллина, Ловаков, 2013) для фиксации первоначальных показателей групповой идентификации.

Игровая манипуляция («Кораблекрушение»). Командам предлагалась совместная задача «Кораблекрушение», требующая выработки единого решения в стрессоподобной ситуации. Результаты сравнивались с эталонным ключом, пред-

ставленным как разработка ЮНЕСКО, что определяло экспериментальное условие: выигрыш («Спасение») — команда набирала меньше 60 баллов ($N = 62$; 13 команд); проигрыш («Не спаслись») — команда набирала больше 60 баллов, что моделировало групповую девальвацию ($N = 136$; 33 команды). Проигравшие команды набирали в среднем 75–90 баллов. Типичное время игры составляло 25–40 минут. Послеигровое распределение участников представлено в табл. 1.

Сразу после объявления результатов (успех/поражение) участники вновь заполняли Шкалу групповой идентификации К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова для оценки изменений.

Контрольная группа (КГ) — участники выполняли игровое задание и повторную диагностику проходили до получения обратной связи о выигрыше/проигрыше ($N = 66$; 10 команд).

Первоначально в исследовании приняли участие 277 студентов. После исключения 13 человек с недифференцированными ответами по Шкале Лича (одинаковые оценки по всем пунктам) итоговая выборка составила 264 человека.

Таким образом, исследование имело смешанный дизайн с повторными измерениями: экспериментальный фактор (выигрыш/проигрыш) сочетался с квазиэкспериментальным фактором (тип идентичности; 4 уровня).

Измеряемые переменные. Независимые переменные: результат игровой ситуации (выигрыш/проигрыш); тип социальной идентичности (множественный, иерархический, диффузный, эгоцентрический).

Зависимая переменная. Уровень групповой идентификации (включенности), измеренный дважды с помощью Шкалы

Таблица 1 / Table 1

**Распределение участников по экспериментальным группам
и типам социальной идентичности ($N = 264$)**
**Distribution of Participants Across Experimental Conditions
and Social Identity Types ($N = 264$)**

Тип социальной идентичности / Social Identity Types	Выигрыш / Win	Проигрыш / Loss	Контрольная / Control	Всего по типу / Total by type
Множественный / Multiple	20	49	23	92
Иерархический / Hierarchical	12	28	9	49
Диффузный / Diffuse	4	15	6	25
Эгоцентрический / Egocentric	18	29	7	54
Без определения типа / Un- defined	8	15	21	44
Всего по условию / Total by condition	62	136	66	264

Примечание. В анализ типов социальной идентичности вошло на 44 участника меньше, чем вся выборка. Они не проходили первичное тестирование базового типа социальной идентичности по методике ГТИ ($N = 220$).

Note. Only participants who completed the GTI diagnostic were included in the analysis of social identity types ($N = 220$). Participants whose identity type could not be determined ($N = 44$) were not included in the type analysis.

Лича. Использовалась русскоязычная версия Шкалы групповой идентификации (Group Identification Measure) К. Лича, адаптация Е.Р. Агадуллиной, А.В. Ловакова (Агадуллина, Ловаков, 2013). Методика включает 14 пунктов с оценкой по 7-балльной шкале Лайкерта и позволяет выделить итоговый показатель «Вовлеченность» (среднее значение по всем пунктам шкалы), 7 первичных показателей, объединенных в переменные второго порядка: 1) самокатегоризация — когнитивный компонент, включающий индивидуальную самостереотипизацию и внутригрупповую однородность; 2) самоинвестирование — эмоциональный компонент, состоящий из показателей: удовлетворение членством в группе, солидарность с группой. Показатель

затель центральности, присутствующий в оригинальной версии, исключался, поскольку экспериментальные группы были ситуативными.

Для проверки гипотез исследования был использован смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA) с межгрупповыми факторами «Исход игры» (3 уровня: выигрыш, проигрыш, контроль) и «Тип социальной идентичности» (4 уровня: множественный, иерархический, диффузный, эгоцентрический), а также внутригрупповым фактором «Время измерения» (до и после воздействия). При проведении множественных контрастов применялась поправка Бонферрони ($\alpha = 0,01$). Обработка данных выполнена с помощью IBM SPSS Statistics 27.

Результаты

Описательные статистики динамики показателей групповой идентификации представлены в табл. 2.

Большинство показателей групповой вовлеченности имеет тенденцию к возрастанию в группах с выигрышем и проигрышем. В контрольной группе положительная динамика этих показателей не выражена.

В табл. 3 представлены средние значения и стандартные отклонения описательных статистик групповой идентификации для множественной, иерархической, диффузной и эгоцентрической социальной идентичности. В таблице включены не все участники, а те, кто прошел диагностику по методике ГТИ ($N = 220$).

Таблица 2 / Table 2

Параметры групповой идентификации до и после экспериментального воздействия ($N = 264$)
Parameters of In-Group Identification Pre / Post experimental intervention ($N = 264$)

Параметры / Parameters	Этап / Stage	Группа / Group					
		Выигрыш / Win ($N = 62$)		Проигрыш / Loss ($N = 136$)		Контрольная / Control ($N = 66$)	
		<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Переменные первого порядка / First-order variables							
Солидарность / Solidarity	До / Pre	5,01	1,20	4,80	1,44	5,14	1,33
	После / Post	5,49	1,34	5,32	1,41	5,35	1,43
Удовлетворенность / Satisfaction	До / Pre	5,58	1,21	5,42	1,33	5,61	1,23
	После / Post	5,92	1,26	5,58	1,40	5,57	1,40
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	До / Pre	3,94	1,32	4,21	1,45	4,16	1,38
	После / Post	4,58	1,43	4,65	1,49	4,24	1,46
Внутригрупповая однородность / In-Group Homogeneity	До / Pre	3,38	1,19	3,70	1,49	3,74	1,36
	После / Post	3,94	1,55	4,28	1,71	3,89	1,51
Переменные второго порядка / Second-order variables							
Самоинвестирование / Self-investment	До / Pre	5,36	1,15	5,11	1,32	5,37	1,22
	После / Post	5,79	1,25	5,45	1,34	5,45	1,36
Самокатегоризация / Self-definition	До / Pre	3,67	1,15	3,97	1,36	3,97	1,16
	После / Post	4,27	1,39	4,47	1,51	4,08	1,35
Итоговый показатель / Total score							
Вовлеченность / In-group identification	До / Pre	4,51	0,98	4,54	1,24	4,67	1,03
	После / Post	5,02	1,17	4,96	1,35	4,75	1,24

Таблица 3 / Table 3

**Параметры групповой идентификации до и после экспериментального
 воздействия для разных типов социальной идентичности (N = 220)
 Group Identification Parameters: Pre- and Post-test Comparison Across
 Social Identity Types (N = 220)**

Параметры / Parameters	Этап / Stage	Идентичность / Identity							
		Множественная / Multiple (N = 92)		Эгоцентрическая / Ego centric (N = 54)		Иерархическая / Hierarchical (N = 49)		Диффузная / Diffuse (N = 25)	
		M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Солидарность / Solidarity	До / Pre	4,89	1,30	4,90	1,29	4,71	1,44	5,45	1,09
	После / Post	5,43	1,30	5,31	1,33	5,22	1,52	5,75	0,95
Удовлетворенность / Satisfaction	До / Pre	5,40	1,34	5,72	1,17	5,36	1,25	6,16	0,81
	После / Post	5,67	1,31	5,67	1,25	5,60	1,47	6,33	0,76
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	До / Pre	4,13	1,31	4,23	1,51	3,91	1,24	5,00	1,03
	После / Post	4,62	1,34	4,64	1,30	4,33	1,58	5,13	1,02
Внутригрупповая однородность / In-Group Homogeneity	До / Pre	3,61	1,43	3,68	1,22	3,34	1,25	4,12	1,25
	После / Post	4,16	1,62	3,99	1,69	4,02	1,51	4,34	1,23
Самоинвестирование / Self-investment	До / Pre	5,17	1,26	5,34	1,17	5,05	1,30	5,80	0,90
	После / Post	5,58	1,24	5,52	1,23	5,44	1,46	6,04	0,83
Самокатегоризация / Self-definition	До / Pre	3,88	1,26	3,97	1,22	3,64	1,11	4,58	1,01
	После / Post	4,40	1,35	4,32	1,43	4,19	1,42	4,74	1,06
Вовлеченность / In-group identification	До / Pre	4,53	1,15	4,65	1,06	4,34	1,06	5,18	0,84
	После / Post	4,98	1,20	4,91	1,22	4,81	1,31	5,39	0,83

Представленные в табл. 3 описательные статистики отражают первичную динамику средних значений по группе до и после экспериментального воздействия. Для статистической проверки проведен смешанный дисперсионный анализ (Mixed ANOVA). Полные матрицы многомерных критериев для всех шкал представлены в Приложении А, табл. А1–А7.

Главный эффект фактора «Время» оказался статистически значимым для большинства показателей: вовлеченность ($\lambda = 0,921$, $F(1,208) = 17,831$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,079$), самокатегоризация ($\lambda = 0,939$, $F(1,208) = 13,437$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,061$), самостереотипизация ($\lambda = 0,965$, $F(1,208) = 7,568$, $p = 0,006$, $\eta^2 = 0,035$), самоинвестирование ($\lambda = 0,935$, $F(1,208) = 14,378$, $p < 0,001$, $\eta^2 = 0,065$).

Это подтверждает, что участие в игровой процедуре в целом изменяет показатели групповой идентификации.

Взаимодействие «Время × Исход» обнаружило значимые изменения по показателю самостереотипизации ($A = 0,955$, $F(2,208) = 4,906$, $p = 0,008$, $\eta^2 = 0,045$), что свидетельствует о различиях в динамике экспериментальных и контрольной групп, в группах выигрыш/проигрыш показатель растет, а в контрольной нет. Тенденция, не достигающая статистической значимости, сохраняется для самокатегоризации ($A = 0,972$, $F(2,208) = 2,974$, $p = 0,053$, $\eta^2 = 0,028$) и вовлеченности ($A = 0,973$, $F(2,208) = 2,861$, $p = 0,059$, $\eta^2 = 0,027$).

Трехстороннее взаимодействие «Время × Исход × Тип» не достигло статистической значимости ни по одному из показателей (для вовлеченности $p = 0,942$; самокатегоризации $p = 0,930$; самостере-

отипизации $p = 0,673$; удовлетворенности $p = 0,974$). Это означает, что влияние ситуации выигрыша или проигрыша на динамику групповой идентификации не зависит от базового типа социальной идентичности участников.

Несмотря на отсутствие трехстороннего взаимодействия, был обнаружен значимый главный эффект фактора «Тип идентичности». Для углубленного анализа различий между типами были использованы специальные плановые контрасты (planned contrasts), где апостериорные тесты выявили значимые различия в рамках модели смешанного дисперсионного анализа, что позволяет проверить конкретные теоретические гипотезы с максимальной статистической мощностью. Результаты контрастов представлены в табл. 4.

Результаты контрастов (Таблица 4) подтверждают, что диффузный тип

Таблица 4 / Table 4

**Результаты плановых контрастов для различных
 показателей групповой идентификации
 Results of Planned Contrasts for Different Indicators
 of Group Identification**

Показатель / Indicator	Сравнение / Comparison	Оценка контраста / Contrast Estimate	Стандартная ошибка / Std. Error	p	95% ДИ / 95% CI
Вовлеченность / In-group identification	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,010	0,367	0,006	[-1,733; -0,288]
Самокатегоризация / Self-definition	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,049	0,404	0,010	[-1,845; -0,253]
Индивидуальная самостереотипизация / Individual Self-Stereotyping	Диффузный vs Иерархический / Diffuse vs Hierarchical	-1,329	0,418	0,002	[-2,153; -0,505]

Показатель / Indicator	Сравнение / Comparison	Оценка контраста / Contrast Estimate	Стандартная ошибка / Std. Error	<i>p</i>	95% ДИ / 95% CI
Удовлетворенность / Satisfaction	Диффузный vs Иерархиче- ский	-1,083	0,405	0,008	[-1,880; -0,285]
Удовлетворенность / Satisfaction	Диффузный vs Множествен- ный / Diffuse vs Multiple	0,999	0,371	0,008	[0,266; 1,731]

Примечание. Все эффекты сохраняют статистическую значимость после поправки Бонферрони на множественные сравнения ($\alpha = 0,01$). Направление сравнения задано математической логикой контрастов SPSS. Отрицательные значения оценок в парах с иерархическим типом и положительное значение в паре с множественным типом единообразно указывают на то, что абсолютные показатели групповой идентификации у представителей диффузного типа значимо выше, чем у остальных групп.

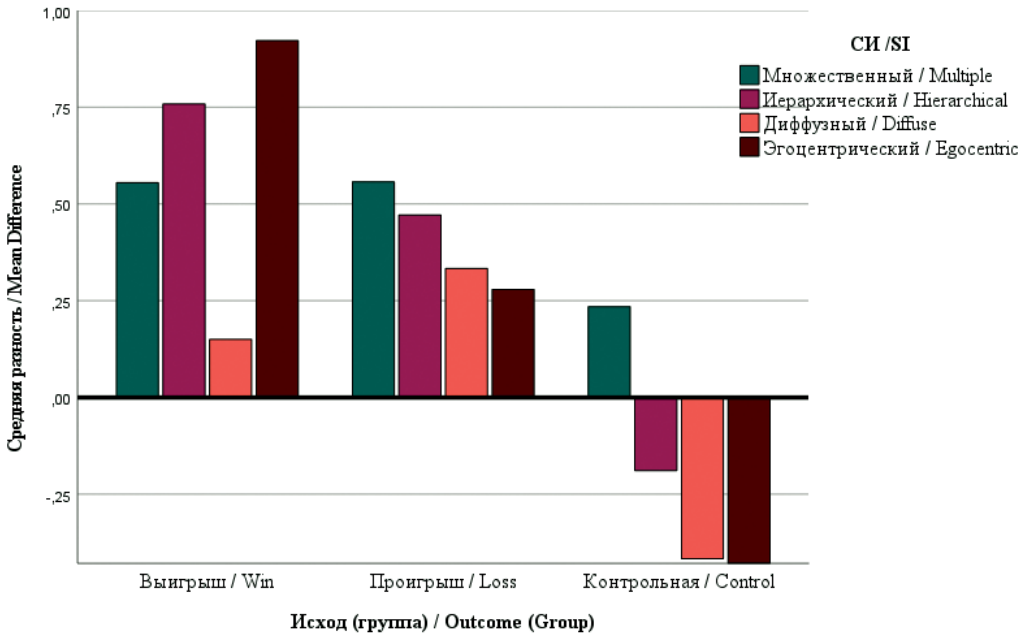
Note. All effects remain statistically significant after Bonferroni correction for multiple comparisons ($\alpha = 0,01$). The direction of comparison is determined by the mathematical logic of SPSS contrasts. Negative estimates in pairs involving the hierarchical type and the positive estimate in the pair involving the multiple type consistently indicate that the absolute group identification scores for the diffuse type are significantly higher than those of the other groups.

идентичности характеризуется статистически более высокими показателями по сравнению с иерархическим. Это соотношение прослеживается по шкалам: вовлеченности ($p = 0,006$), самокатегоризации ($p = 0,010$), самостереотипизации ($p = 0,002$) и удовлетворенности ($p = 0,008$). Кроме того, по показателю удовлетворенности диффузный тип также значимо превосходит множественный тип ($p = 0,008$). Полученные значения линейных контрастов вкупе с границами доверительных интервалов подтверждают умеренную и выраженную величину зафиксированных межгрупповых различий.

На рисунке представлена графическая иллюстрация результатов смешанного ANOVA по показателю самостереотипизации, где выявлен статистически значимый эффект взаимодействия факторов «Время × Исход»

($F = 0,955$, $F(2,208) = 4,906$, $p = 0,008$, $\eta^2 = 0,045$).

Из диаграммы видно, что в ситуациях определенности игрового исхода (выигрыш/проигрыш) зафиксирован однонаправленный рост показателей самостереотипизации (значения $\Delta > 0$) у представителей всех типов социальной идентичности. В ситуации «Выигрыш» наибольший сдвиг наблюдается у эгоцентрического типа ($\Delta = 0,92$), а наименьший – у диффузного. В ситуации «Проигрыш» показатели эгоцентрического типа снижаются, тогда как у диффузного типа фиксируется рост ($\Delta = 0,34$). В контрольной группе показатели большинства типов уходят в область отрицательных значений (минус), за исключением множественного типа, удерживающего слабую положительную динамику.

Рис. Изменения показателей самостереотипизации (После – До) в зависимости от исхода эксперимента и типа социальной идентичности (СИ) ($N = 220$)

Fig. Changes in self-stereotyping scores (Post – Pre) as a function of experimental outcome and social identity (SI) type ($N = 220$)

Обсуждение результатов

Цель исследования заключалась в выявлении динамики групповой идентификации в условиях выигрыша и проигрыша, а также в установлении характера влияния базового типа социальной идентичности на эти изменения. Полученные данные подтверждают обе гипотезы частично и выявляют дифференцированный характер реагирования на групповую девальвацию.

Общий эффект проигрыша / выигрыша. Главный эффект фактора «Время» оказался статистически значимым для итогового показателя «Вовлеченность», показателей второго порядка самокате-

горизации и самоинвестирования, показателя первого порядка самостереотипизации (когнитивный компонент). Это подтверждает, что участие в игровой процедуре в целом изменяет показатели групповой идентификации, является фактором ее роста по сравнению с контрольной группой. Первая гипотеза подтвердилась частично. Наряду со значимым увеличением показателей групповой вовлеченности в ситуации проигрыша, аналогичный рост происходит и в ситуации выигрыша. Эти результаты согласуются с исследованиями компенсаторного усиления групповой приверженности при угрозе статусу группы (Hogg,

2023; Leach et al., 2010), в которых усиление идентификации рассматривается как ключевой защитный механизм в ответ на угрозу позитивной социальной идентичности. Усиление групповой включенности и чувства социальной идентичности способствует психическому здоровью, снижению одиночества (Haslam et al., 2024). Повышение групповой идентификации в ситуации стресса групповой девальвации или группового давления согласуется с реакцией конформного поведения, стремления «не выделяться» (Федоров, Рахманов, 2024).

Статистически значимое усиление групповой идентификации по показателю самостереотипизации (Взаимодействие «Время × Исход») по сравнению с контрольной группой также говорит о том, что как проигрыш, так и выигрыш (успех) игровой группы являются стимулом мобилизации групповой вовлеченности.

Роль базового типа социальной идентичности. Вторая гипотеза о том, что влияние ситуации успеха или неуспеха будет опосредовано базовой структурой социальной идентичности участников исследования, в целом не подтвердилась. Эффекты взаимодействия между исходом игры (выигрыш/проигрыш), типом социальной идентичности и временем диагностики (до/после) не достигают значимого уровня и не обуславливают динамику групповой идентификации. Нельзя сделать вывод о том, что влияние ситуации успеха или неуспеха опосредовано базовым типом социальной идентичности участников исследования.

Результаты дисперсионного анализа свидетельствуют об универсальном характере экспериментального воздействия: под влиянием соревновательного

игрового контекста показатели групповой вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации (разность После – До) статистически значимо увеличились у представителей всех типов социальной идентичности. Отсутствие значимого трехстороннего взаимодействия факторов ($p = 0,942$) строго доказывает, что сама траектория этого роста принципиально не различается у разных групп респондентов.

Несмотря на общую универсальность динамики, абсолютные значения параметров идентификации значимо различались в зависимости от базовой структуры социальной идентичности респондентов, что полностью подтверждено результатами плановых контрастов (см. табл. 4). Участники с диффузным типом СИ на всех этапах эксперимента демонстрируют более высокий базовый уровень вовлеченности и когнитивных компонентов идентификации, значимо опережая представителей иерархического типа, а по показателю удовлетворенности – и множественного.

Для представителей диффузного типа СИ, характеризующихся отсутствием субъективной дифференциации устойчивых социальных общностей, включение в ситуацию малой группы выступает источником быстрой когнитивной стабилизации. Их изначально высокие баллы и последующий рост могут отражать компенсаторное стремление прочно «держаться» за ситуативное микросообщество (Leach et al., 2010) ради совладания со стрессом, что соотносится с предпочтением копинг-стратегии «избегание» глобальных вызовов (Саунин, 2025). Оценки по шкалам вовлеченности у представителей диффузного типа изначально выше, менее дифференцированы.

Возможно, что в условиях физической близости сокомандников данный тип может демонстрировать паттерны социального желательного конформизма.

При всем сходстве шкальных оценок групповой вовлеченности у представителей разных типов СИ можно предположить, что за ними стоят принципиально различные психологические детерминанты. Так, участники с множественным типом СИ, обладая сложной, многомерной структурой Я-концепции, используют ее как ментальный буфер (Roccas, Brewer, 2002; Jetten et al., 2009; Злоказов, 2017). Для них включение в игру — это проявление общей высокой социально-психологической адаптивности и открытости к социальному взаимодействию (Haslam et al., 2024). Сложная идентичность защищает их от фрустрации в случае проигрыша, позволяя воспринимать любой исход совместной деятельности конструктивно, как полезный опыт, а не как угрозу личности (Van Dick et al., 2018).

В свою очередь, представители иерархического и эгоцентрического типов СИ демонстрируют включенность, обусловленную чувствительностью к внешним критериям достижений и соревновательному контексту. Лица с эгоцентрической структурой, сфокусированные преимущественно на персональной идентичности и уникальности, склонны мобилизовать свою вовлеченность ради возможности интернализировать (присвоить) потенциальный успех группы, тогда как для иерархического типа критически важна не столько победа сама по себе, сколько подтверждение формального статуса группы в соревновательной ситуации.

Следовательно, зарегистрированное посредством смешанного дисперсион-

ного анализа (ANOVA) существенное повышение показателей вовлеченности свидетельствует об универсальном мобилизационном ответе студенческой выборки на совместную активность. Базовый тип социальной идентичности задает не вектор групповой динамики как таковой, а внутреннюю мотивационную основу для интрупповой интеграции.

Важно отметить расхождение наших результатов с некоторыми выводами других исследований (Leach et al., 2010), где эмоциональный компонент групповой идентификации менялся в первую очередь и более выражено. Это различие может быть объяснено тем, что в исследованиях К. Лича анализировалась вовлеченность в более устойчивых, долгосрочных группах (этнических, университетских), в то время как в нашем случае группы были ситуативно созданными (ad-hoc), что усиливает влияние базовых, предсуществующих типов социальной идентичности на групповую идентификацию.

Полученные данные расширяют классические представления о феноменах BIRGing/CORFing («купание в лучах отраженной славы»/ «отсечение отраженной неудачи»). Выбор личностью защитной стратегии в ситуации проигрыша определяется не только внешними условиями, но и особенностями базового типа ее социальной идентичности. Множественная идентичность функционирует как когнитивный буфер, позволяя минимизировать значимость ситуативной неудачи. Иерархическая и диффузная идентичности, напротив, оказываются уязвимыми и требуют компенсаторного усиления включенности.

Принципиальный научно-практический интерес представляют результаты

в контрольной группе, где участники завершили игру, но находились в ситуации когнитивной неопределенности исхода (заполняли опросник до объявления результатов). В этих условиях показатели самостереотипизации большинства типов (иерархического, диффузного и особенно эгоцентрического) уходят в область отрицательных значений, что свидетельствует о включении механизмов превентивной психологической защиты: не зная, успешен ли исход деятельности, субъекты когнитивно дистанцируются от группы, чтобы обезопасить собственную Я-концепцию от возможного проигрыша. Единственным исключением выступает множественный тип СИ. Многомерная структура идентичности данного типа позволяет его представителям эффективно контейнировать состояние неопределенности, транслируя стабильную сопричастность группе и нивелируя потребность в компенсаторном отстранении.

Закключение

Цель настоящего исследования состояла в определении динамики групповой идентификации в условиях группового успеха и поражения, а также в установлении характера влияния базового типа социальной идентичности на эту динамику. Результаты настоящего исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Ситуация группового проигрыша, традиционно рассматриваемая как угроза позитивной социальной идентичности, не ослабляет, а, напротив, укрепляет ключевые компоненты групповой идентификации. Аналогичная динамика зафиксирована и в ситуации выигрыша,

что свидетельствует о мобилизационном эффекте любого значимого группового взаимодействия.

2. Влияние успеха или поражения на динамику идентификации носит универсальный характер и не зависит от базового типа социальной идентичности.

3. Выявлен устойчивый самостоятельный вклад типа идентичности в абсолютные значения показателей групповой вовлеченности. Участники с диффузным типом на всех этапах эксперимента демонстрируют большую пластичность и повышенную чувствительность к ситуативному контексту, более высокий уровень показателей групповой идентификации по сравнению с иерархическим типом.

4. Полученные данные дополняют теорию социальной идентичности, уточняя роль ее базового типа как фактора, определяющего не направленность динамики групповой вовлеченности в ситуации успеха/неуспеха группы, а ее исходный уровень и интенсивность.

Ограничения. Основные ограничения нашей работы связаны с использованием искусственных лабораторных групп и кратковременным характером манипуляции проигрышем, что может влиять на переносимость результатов на реальные социальные или организационные контексты.

Во-первых, в исследовании не проводилась формальная проверка валидности экспериментальной манипуляции (*manipulation check*). В отличие от реальных рабочих или учебных коллективов, *ad-hoc* группы не имеют длительной истории взаимодействия, что способно усиливать эффект сиюминутного ситуативного воздействия и снижать роль долгосрочных групповых норм.

Во-вторых, эффект проигрыша моделировался в рамках одной игровой сессии. Динамика идентификации в условиях длительного, хронического неуспеха организации или сообщества может иметь принципиально иную психологическую природу.

В-третьих, исследование проводилось исключительно на студенческой выборке с выраженным смещением в сторону женского пола (74,2%), что ограничивает генерализацию выводов на другие возрастные, профессиональные и гендерные группы.

Наконец, несбалансированность численности экспериментальных и контрольной групп также потребовала применения специфических многомерных статистических методов и накладывает определенные ограничения на интерпретацию апостериорных сравнений.

Limitations. The main limitations of our study are associated with the use of ad-hoc laboratory groups and the short-term manipulation of loss, which may limit the generaliz-

ability of the results to real social or organizational contexts. First, a formal manipulation check was not conducted in this study. Unlike actual work or study collectives, artificially created groups lack a history of long-term interaction, which might intensify the effect of the situational impact and reduce the role of established group norms.

Second, the effect of loss was modeled within a single game session. The dynamics of identification under conditions of prolonged, chronic failure may possess a fundamentally different nature.

Third, the study sample consisted entirely of students (predominantly female), which limits the generalization of the findings to other age, professional, or gender social groups.

Finally, the imbalance in the sample sizes of the experimental and control groups necessitated the application of specific multivariate statistical methods and imposes certain constraints on the interpretation of post-hoc comparisons.

Список источников / References

1. Агадуллина, Е.Р., Ловаков, А.В. (2013). Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(4), 143–157. URL: <https://hse.academia.edu/ElenaAgadullina> (дата обращения: 10.09.2025).
2. Волков, Ю.Г., Курбатов, В.И. (2022). Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы. *Социология*, 5, 202–212. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-5-202-212>
3. Гудзовская, А.А. (2023). Возрастная динамика графической репрезентации социальной идентичности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*, 20(4), 79–92. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.7>

- Gudzovskaya, A.A. (2023). Age dynamics of graphic reflection of social identity. *Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*, 20(4), 79–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.4.7>
4. Злоказов, К.В. (2017). Влияние идентичности на предпочтение стратегии социального поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, (4/76), 206–212. Zlokazov, K.V. (2017). Influence of identity on preference of social behavior strategy in conflict situations. *Bulletin of Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia*, (4/76), 206–212. (In Russ.).
  5. Лебедева, Н.М. (2021). Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 16–24. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>
Lebedeva, N.M. (2021). Ethnic Identity and Psychological Well-Being of Russians in Post-Soviet Space: The Role of Diaspora. *Cultural-Historical Psychology*, 17(4), 16–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/chp.2021170402>
  6. Саунин, К.А. (2025). Индивидуально-психологические особенности как предикторы формирования стресса в процессе деятельности. *Экспериментальная психология*, 18(2), 131–153. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180208>
Saunin, K.A. (2025). Individual and psychological peculiarities as predictors of stress formation in the process of activity. *Experimental Psychology (Russia)*, 18(2), 131–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180208>
  7. Стефаненко, Т.Г., Липатов, С.А. (2016). О коллективных переживаниях и социальных эмоциях. *Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии* (С. 46–51). Stefanenko, T.G., Lipatov, S.A. (2016). O kolektivnykh perezhivaniyakh i sotsial'nykh emotsiyakh [About collective perezhivaniyah and social emotions]. In: *Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology* (pp. 46–51). (In Russ.).
  8. Федоров, А.А., Рахманов, А.С. (2024). Моральная конформность при разных формах виртуального давления. *Экспериментальная психология*, 17(1), 118–130. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>
Fedorov, A.A., Rakhmanov, A.S. (2024). Moral Conformity under Different Forms of Virtual Pressure. *Experimental Psychology (Russia)*, 17(1), 118–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170108>
  9. Bagci, S.C., Stathi, S., Golec de Zavala, A. (2021). Social Identity Threat Across Group Status: Links to Psychological Well-Being and Intergroup Bias Through Collective Narcissism and Ingroup Satisfaction. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. Advance online publication. <http://dx.doi.org/10.1037/cdp0000509>
  10. Bataille, C.D., Vough, H.C. (2022). More than the sum of my parts: An intrapersonal network approach to identity work in response to identity opportunities and threats. *Academy of Management Review*, 47(1), 93–115. <https://doi.org/10.5465/amr.2019.0382>
  11. Cárdenas, D., de la Sablonnière, R. (2020). Participating in a new group and the identification processes: The quest for a positive social identity. *British Journal of Social Psychology*, 59(1), 189–208. <https://doi.org/10.1111/bjso.12340>
  12. Faber, N.S., Häusser, J.A. (2022). Why stress and hunger both increase and decrease prosocial behaviour. *Current Opinion in Psychology*, 44, 49–57. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.023>
  13. Golec de Zavala, A. (2025). Narcissism of science denial. *Journal of Social Issues*, 81(1), e70000. <https://doi.org/10.1111/josi.70000>

14. Haslam, S.A., Haslam, C., Cruwys, T., Sharman, L.S., Hayes, S., Walter, Z., ... Young, T. (2024). Tackling loneliness together: A three-tier social identity framework for social prescribing. *Group Processes & Intergroup Relations*, 27(5), 1128–1150. <https://doi.org/10.1177/13684302241242434>
15. Hirshon, N. (2020). Social identity theory in sports fandom research. In: *Multidisciplinary perspectives on media fandom* (pp. 172–191). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-3323-9.ch010>
16. Hogg, M.A. (2023). Walls between groups: Self uncertainty, social identity, and intergroup leadership. *Journal of Social Issues*, 79(2), 825–840. <https://doi.org/10.1111/josi.12584>
17. Iyer, A., Jetten, J. (2023). Disadvantaged-group members' experiences of life transitions: the positive impact of social connectedness and group memberships. *Current Directions in Psychological Science*, 32(2), 91–97. <https://doi.org/10.1177/09637214221122690>
18. Jetten, J., Haslam, C., Haslam, S.A., Branscombe, N.R. (2009). The social cure. *Scientific American Mind*, 20(5), 26–33. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jolanda-Jetten/publication/247446655_The_Social_Cure/links/58d0b571a6fdcc344b0c1364/The-Social-Cure.pdf (viewed: 10.10.2025).
19. Leach, C.W., Mosquera, P.M.R., Vliek, M.L., Hirt, E. (2010). Group devaluation and group identification. *Journal of Social Issues*, 66(3), 535–552. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2010.01666.x>
20. Leach, C.W., Van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M.L., Pennekamp, S.F., Doosje, B., ... Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: a hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(1), 144. <https://doi.org/10.1037/a0012634>
21. Liaquat, U., Balcetis, E., Jost, J.T. (2025). Multiple Identities Model of Collective Inaction: How Belonging to Psychologically Incompatible Groups Reinforces the Status Quo. *Social and Personality Psychology Compass*, 19(6), e70065. <https://doi.org/10.1111/spc3.70065>
22. Lind, E.A. (2023). Focusing on the “social” in Social Justice Research. *Social Justice Research*, 36(3), 337–351. <https://doi.org/10.1007/s11211-023-00418-6>
23. Na, J., Grossmann, I., Varnum, M.E., Karasawa, M., Cho, Y., Kitayama, S., Nisbett, R.E. (2020). Culture and personality revisited: Behavioral profiles and within person stability in interdependent (vs. independent) social orientation and holistic (vs. analytic) cognitive style. *Journal of Personality*, 88(5), 908–924. <https://doi.org/10.1111/jopy.12536>
24. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I., Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 108(2), 291–310. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.2.291>
25. Roccas, S., Brewer, M.B. (2002). Social Identity Complexity. *Personality Social Psychology Review*, 6(2), 88–106. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0602_01
26. Simon, B., Klandermans, B. (2001). Politicized collective identity: A social psychological analysis. *American Psychologist*, 56(4), 319–331. <https://doi.org/10.1037//0003-066X.56.4.319>
27. Teixeira, C.P., Leach, C.W., Spears, R. (2022). White Americans' belief in systemic racial injustice and in-group identification affect reactions to (peaceful vs. destructive) “Black Lives Matter” protest. *Psychology of Violence*, 12(4), 280–292. <https://doi.org/10.1037/vio0000425>
28. Turner, J.C., Brown, R.J., Tajfel, H. (1979). Social comparison and group interest in ingroup favouritism. *European Journal of Social Psychology*, 9(2), 187–204. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420090207>
29. Van Dick, R., Ciampa, V., Liang, S. (2018). Shared identity in organizational stress and change. *Current Opinion in Psychology*, 23, 20–25. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.11.005>

30. Van Zomeren, M., Postmes, T., Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity perspective on collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological models. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>

Приложение / Appendix

Приложение А. Результаты смешанного дисперсионного анализа (Mixed ANOVA) для показателей групповой идентификации ($N = 220$). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Appendix A. Results of Mixed ANOVA for Group Identification Indicators ($N = 220$). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170207>

Информация об авторах

Алла Анатольевна Гудзовская, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (ФГАОУ ВО «Самарский университет»), Самара, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Information about the authors

Alla A. Gudzovskaya, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-8786>, e-mail: aag_1@rambler.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», социогуманитарный факультет, кафедра социальной психологии (протокол № 3 от 10.10.2025).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Samara National Research University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Department of Social Psychology (report no 3, 2025/10/10).

Поступила в редакцию 26.11.2025

Received 2025.11.26

Поступила после рецензирования 20.05.2026

Revised 2026.05.20

Принята к публикации 23.06.2026

Accepted 2026.06.23

Опубликована 30.06.2026

Published 2026.06.30